

Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.).

# ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б).

№ 28 (6274)

29 января 1935 г., вторник.

ЦЕНА 10 КОП.

# ПИСАТЕЛЬ—ВРАЧ ПАЛАТЫ ОБРЕЧЕННЫХ

1.

Щедрин умер в 1889 году, в глухую пору общественной реакции, когда только марксистский взгляд мог различить брезжащий рассвет нового периода, связанного с рабочим движением. Буржуазная интеллигенция осыпала могилу Щедрина той либеральной пошлой словесностью, над которой покойный так зло издевался. Никто не расслышал тогда и не мог расслышать удивительных слов, которые сказал в частном письме молодой, только входивший в «большую» литературу писатель, еще не расставшийся с веселым псевдонимом — Антоша Чехонте. А он написал: «Мне жаль Салтыкова. Это была крепкая, сильная голова. Тот сволочный дух, который живет в мелком, изможденном душою русском интеллигенте среднего пошиба, потерял в нем своего самого упрямого и назойливого врага. Обличать умеет каждый газетчик... но открыто презирать умел один только Салтыков».

Сволочный дух! — это сказано сильно и совсем по-щедрински. Ясно — Чехов не только читал Щедрина, но и понимал его. Сопоставление этих имен кажется странным: что же общего между злым, суровым, колючим Щедриным и мягким, снисходительным Чеховым? Но разве всем известные, насыщенные глубоким сатирическим содержанием образы человека в футляре, унтера Пришибеева, Душечки не продолжают галереи щедринских типов, хотя бы и в особой, своей собственной чеховской манере?

Нет необходимости перебирать отдельные чеховские образы. Если вызвать их всех по очереди, по именам из рассказов и повестей — врачей, чиновников, инженеров, либеральных помещиков, писателей, журналистов, офицеров, актеров, адвокатов, то пройдет перед нами, словно на параде, вся армия буржуазной интеллигенции, вся дореволюционная Россия в верхней своей, интеллигентской прослойке, и если и есть среди них такие, которые свободны сами от «сволочного» духа, то все равно они погибают душевно среди всеобщей этой атмосферы мелкого душевного

мошенничества. Большинство поражено «сволочностью», меньшинство страдает дрянным бессилием.

И если в произведениях Щедрина проходит перед нами Россия 60—80-х годов, и незаменимым источником служат они для изучения в лицах и образах эпохи разлагающегося крепостнического общества и нарождающегося капиталистического, то в рассказах и пьесах Чехова — драгоценный источник для знакомства со всей в сущности дореволюционной порой, в особенности же с 90-ми годами. Капитализм переживал полосу своего расцвета, и буржуазная интеллигенция прятала «сволочный дух» под пышными словами о культурном своем призвании.

Корни позднейшего контрреволюционного саботажа буржуазной интеллигенции, вредительства некоторой ее части, упорного сопротивления пролетарской революции можно проследить по произведениям Чехова, как по материалам предварительного следствия. И тут же можно найти не мало таких работников науки и культуры, которые честно и самоотверженно служили своему делу, но в обстановке «сволочной» эпохи были обречены на одиночество, ча бессилие, нередко на гибель. Достаточно вспомнить старого профессора и академика из «Скучной истории» и для полноты картины сопоставить с этим замечательным чеховским образом недавнюю речь академика Баха на московском областном съезде советов.

2.

Пожалуй, наиболее дрянная, наиболее жалкая фигура в чеховской коллекции — это Лаевский из «Дуэли». Своим дрянным бессилием, своей либеральной болтовней на возвышенные темы он вызывает гадливое чувство у зоолога и будущего исследователя Арктики — фон-Корена. Фон-Корен говорит даже, что Лаевских надо уничтожать. Добродушный доктор Самойленко спрашивает в ужасе:

— Скажи мне, если бы того... положим, государство или общество поручило бы тебе уничтожить его, ты бы... решился?

— Рука бы не дрогнула, — отвечает фон-Корен.

Он, действительно, пытается расстрелять Лаевского, вызвав его на дуэль. Это совсем не «по-чеховски». И, конечно, фон-Корен, — эта неудачная копия Базарова в 90-х годах, — глубоко несимпатичен Чехову. Однако сам Чехов систематически уничтожает своих интеллигентов, и ни у кого из русских писателей (разве у Достоевского) не гремят так часто револьверы. В «Чайке» Треплев стреляется дважды и убивает себя. Иванов, как и Треплев, заканчивает пьесу самоубийством. Дядя Ваня стреляет в профессора. Барона Тузенбаха убивает офицер («Три сестры»). Фон-Корен стреляется с Лаевским... И это совсем не случайно. В сущности, и у тех, кто не стреляется, положение такое, что надо бы кончать с собой. Что такое, по Чехову, жизнь бедной Сонни из «Дяди Вани», или трех сестер, как не замена высшей меры наказания пожизненным заключением?

Нет выхода у дореволюционной буржуазной интеллигенции. Она обречена. И ласковый, милый, нежный писатель Чехов ходит среди этих обреченных и как врач ставит неумолимый диагноз: смерть. И не только буржуазная интеллигенция заражена смертельным недугом, а и все буржуазное общество. Писатель Чехов так и говорит о нем словами врача, в терминах и в стиле «истории болезни»:

— «Он, как медик, правильно судивший о хронических страданиях, коренная причина которых была непонятна и неизлечима, и на фабрике смотрел как на недоразумение, причина которого была тоже неясна и неустраиваема, и все улучшения в жизни фабричных он не считал лишними, но прибавлял их к лечению неизлечимых болезней». («Случай из практики»).

Диагноз поставлен правильно: капитализм неизлечим. Это писатель Чехов признавал совершенно отчетливо, и поэтому он так ясно видел признаки смерти на лицах своих героев и так спокойно посылал их на смерть. А в чем причина болезни буржуазного общества и как уничтожить са-

мую болезнь, этого писатель-врач не знал. Он не верил ни в какие либеральные рецепты, относился к ним с насмешкой, и это одно ставило его много выше всех современных ему писателей.

3.

Чехов был врачом. Это не просто справка из биографии его, не случайное и, в сущности, постороннее литературное обстоятельство. Чехов получил и усвоил медицинское образование, которое стало для него научным мировоззрением. К людям и явлениям буржуазного общества он подходил как к больным. Отсюда его ясность, трезвость, его материализм. Он по существу своему был чужд всякой мистике, хотя и погрешил в отдельных немногих рассказах мистическими фразами.

Но это был, конечно, материализм человека, получившего только естественно-научное образование, материализм буржуазного врача. С этим связаны были обычные недостатки механистического буржуазного мировоззрения. В молодости своей, выросший в обстановке политической реакции и кризиса прежнего, народнического революционного мировоззрения, Чехов на всю свою жизнь сохранил скептическое отношение к общественным теориям. Он видел ясно, что «сволочный дух» буржуазной интеллигенции и всего буржуазного общества — это и результат и симптом неизлечимой общественной болезни. Но причина ему оставалась неясна, и средств борьбы с этой «болезнью» он не знал. Он враждебно относился к либеральному знахарству, но скептически относился и к марксизму. В рабочем движении он не рассмотрел новой силы. В крестьянах видел только слепую темную массу.

Он предчувствовал революцию, но и к ней относился сдержанно, как врач, который ничего не может сказать о явлении, если не видел его, не прощупал своей рукой. Скептицизм человека, который почти всю свою жизнь провел в «сволочной» среде, боролся с радостной надеждой, что наступает нечто совсем новое. Максим Горький в своем лице воплотил для Чехова эту, где-то за горизонтом назревающую революцию. Чехов любил Горького, — но и был какой-то холодок в их отношениях. Писатель-скептик дружелюбно, но недоверчиво относился к писателю-энтузиасту.

Именно потому, что Чехов не знал, в чем причина смертельной болезни буржуаз-

ного общества, и не верил, что можно бороться с этим обществом, не видел никаких общественных сил для этого, — он не любил борьбы. В нем было достаточно личного мужества для протеста против удушающей атмосферы царизма, и его отказ от звания академика после того, как приказом царя был исключен из Академии наук А. М. Горький, был политическим выступлением. Его политические симпатии были с буржуазной демократией, но в борьбе партий он занимал позицию «в стороне от схватки». Это была позиция врача, а не борца.

Среди буржуазной интеллигенции своего времени он был действительно, как врач в палате среди безнадежно больных, среди обреченных. В диагнозе своем он был беспощаден. Как у Щедрина, у него была сильная, крепкая голова. Ясность и простота мысли выразились в простоте и ясности его творчества, в чудесном его юморе, и таким же простым, ясным, пушкински прозрачным, пушкински пленительным был его язык. Но своих осужденных на смерть героев он не преследовал, а, как врач, жалел и для каждого находил ласковое, утешительное слово. Он не знал гнева, или скрывал гнев, и презрение к буржуазной интеллигенции смягчалось грустью. Он, не колеблясь, подписывал смертный приговор «Вишневому саду», но с обреченными его владельцами прощался, как с близкими и милыми людьми. Он действительно был им близок по происхождению своему, по всем своим родственным и литературным связям. И хотя сам поднялся высоко над классовой своей средой и преодолел ее ограниченность, но был заражен ее недугами и носил в душе своей неверие, скептицизм, боязнь прямой и решительной борьбы.

4.

Когда он заставлял своих героев говорить, что жизнь «через двести лет» будет прекрасна, то была в этом его добродушная ирония, не было злой насмешки. Чехов верил, что настанет время, когда жизнь будет прекрасной. Он не случайно указывал сроки, которые, по его мнению, выходили далеко за пределы буржуазной демократии. «Через двести лет» — это значило: совсем в других общественных условиях, и в рассказе «Случай из практики» он даже уточнил общий характер этих ус-

ловий: когда исчезнет капитализм. Культура в обширном смысле этого слова, как уничтожение всякой грязи, темноты, сволочного духа в отношениях, была его идеалом. Этому идеалу не хватало действительности, потому что не было действительности в натуре Чехова, и не случайно он всех своих действительных героев наделял чертами отрицательными и делал их несимпатичными. Таков доктор Львов в «Иванове», таков фон-Корен в «Дуэли». Это непременно жесткие, ограниченные и самодовольные люди. Тип нового действительного человека, тип революционера не давался Чехову. Студента в «Вишневом саду» он сделал чудачком и фигурой комической. Революционное рабочее движение делалось заметным явлением в русской общественности. Появились первые большевики — люди замечательные, выдающейся силы, оригинального ума. Чехов их не заметил. Так врач не замечает здоровых людей.

Принял ли бы Чехов пролетарскую революцию? Вопрос этот не праздный. Чехов ведь не случайно остается одним из наиболее любимых писателей советской страны. И то, чего он не договорил сам, до сказали за него писатели, родственные ему по всему своему писательскому складу, его братья по любви к большой культуре, не вмещающейся в рамки буржуазного общества. Чехов стоит в одном ряду с Анатолем Франсом, с Ромэн Ролланом, у них есть общие черты, и у нас нет никаких оснований думать, что к пролетарской революции, открывшей путь всему человечеству к новой великой культуре, Чехов отнесся бы иначе, чем Анатоль Франс и Ромэн Роллан. Можно сказать с уверенностью, что Чехов не оказался бы с теми, кто сволочный дух свой не может прикрыть уже никакими «демократическими» фразами.

А Чехов не только любимый, но и необходимый писатель в советской стране. Конечно, не все его произведения сохранили и свежесть красок и близость новому читателю. Нет нужды лакировать его литературный облик и из писателя, жалевшего обреченных и смотревшего на них с мягкой улыбкой, делать злого сатирика и борца. Но чудесный язык Чехова, его замечательное мастерство, его превосходный юмор — это богатейшее достояние в классическом наследстве, полученном пролетариатом.